

ИМЯ В КОНЦЕПЦИИ П.А. ФЛОРЕНСКОГО

Размышления об именах во все времена служили предметом жарких споров, а зачастую и основанием глубоких философских теорий. Достаточно вспомнить дискуссии крупнейших философов античности о природе названий и сформулированные ими две крупнейшие теории именования – теории фюзей и тезей. Идеи античной теории именования получают, как известно, свое развитие в эпоху средневековья в течениях реализма, номинализма и концептуализма.

Сам факт выдвижения имени в основу философских теорий не является чем-то специфическим для античности или средневековья. Последующая философская мысль также не обходила вниманием эту проблему.

В философии XX века тема имени (шире – языка), его сущности, его соотношения с вещью в том или ином виде представлена у Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, К. Ясперса и других зарубежных ученых. Из русских ученых этой проблеме посвящают свои работы С.А. Булгаков, А.Ф. Лосев, В.Ф. Эрн и др.

В ряду философских работ этого времени особо стоят работы П.А. Флоренского, который глубоко исследовал онтологическую сущность человеческого языка. Отличительной особенностью концепции языка П.А. Флоренского, как и ряда других русских философов, является то, что язык перемещается им из конвенциональной сферы, в сферу бытийную, энергетическую. Для него слово – это энергия и рода человеческого и отдельного лица. Разделяя слова на имена собственные и нарицательные, П.А. Флоренский полагает, что в бытийном плане имена собственные обладают большей концентрацией духовной энергии, чем имена нарицательные, поскольку первые дают вещи в мире неповторимую индивидуальность, а вторые – охватывают ее абстрактные, отвлеченные признаки. Высшим статусом среди слов обладают личные имена, которые придают объекту его единственность, самозамкнутость и целостность как некоторого существа.

В работах «Имена», «У водоразделов мысли» и др. П.А. Флоренский глубоко и в различных аспектах исследует личные имена, пытаясь выявить их природу и сущность, значимость для социума и судьбы человека. Важнейшей частью учения П.А. Флоренского об именах является его «ономатология», главным тезисом которой является утверждение о том, что именем выражается тип личности, ее онтологическая форма:

«Имя есть последняя выразимость в слове начала личного (как число — безличного), нежнейшая, а потому наиболее адекватная плоть личности. Духовное существо личности само о себе невыразимо. Оно усваивает себе предлежащий ей материал из среды, в которой живет, — мистический, оккультный, социальный, психический, физический — и, взяв его, претворяет в свое тело, сквозит в нем, лучится сквозь него, его формирует.

Но выразить мы можем не ее, а то, что она оформила. Имя — ближайшее подхождение к ней самой, последний слой тела, ее облекающий» [1, с. 71].

Онтологическая форма личного имени не только определяет духовное и душевное строение личности, с ее помощью духовная сущность личности объявляется вовне:

«Обращаясь к строению и внутренним силам собственной нашей личности, мы легко убеждаемся, что иначе и быть не должно и не может: если мы знаем в себе что реальное, то это есть наше собственное имя. Ведь около него именно оплотняется наша внутренняя жизнь, оно — твердая точка нашей текучести, в нем находит себе объективный устой и неизменное содержание наше Я. Без имени оно есть мгновенный центр наличных состояний, мгновенная ось поворота всей жизни в данное мгновение» [1, с. 61].

Анализируя исторические факты, П.А. Флоренский приходит к выводу, что формула о значимости имен и о связи с каждым из них определенной духовной и отчасти психофизической структуры является устойчивой в веках и народах. Она ведет к необходимому признанию, что в убеждениях этого рода действительно есть что-то объективное. Утверждая имена в качестве субстанциональных сил, силовых субстанций или энергий, человечество имело за собой подлинный исторический опыт различных народов.

Это, по мнению П.А. Флоренского, нашло свое яркое отражение в народной словесности. Какой бы род ее мы ни взяли, непременно встретимся с типологией личных имен. Определенным именам в народной словесности соответствуют в различных произведениях одни и те же типы. Они являются одними и теми же не только в смысле психологического склада и нравственного характера, но и в смысле жизненной судьбы и линии поведения героя. В народном сознании именем определяются не только отдельные признаки или черты личности, но и предугадание именем судьбы и биографии. Былины, легенды, сказки, пословицы и поговорки об именах, дразнилки, частушки, иногда песни, отмечают и отдельные признаки лиц, и выразительно представляют жизненный путь и судьбу личности, носящую известное имя.

Народное представление именной типологии П. Флоренский иллюстрирует «Реэстром о дамах и прекрасных девицах», который печатался в свое время на русских народных картинках при соответственном изображении:

Постоянная дама Варвара.
С поволокою глаза Василиса.
Кислой квас Марья.
Веселой разговор Аграфена.
Великое ябедство Елена.
Наглая спесь Маремьяна.
Средняя управа Устинья.
Толста да проста Афросинья.
Песни спеть Дарья.

Хорошей голос Домна.
Худое соврать Агафья.
Впролом сходить Улита.
Умильной взгляд Фекла.
Ни туды ни сюды Фетинья.
Белые белила Авдотья.
Скорая походка Акулина.
Взглянет утешит Арина.
Промолвит накормит Марина.
Смиренная всегда Пелагея.
Всегдашняя суета Кристина.
Обещать не солгать Софья.
Черные глаза Улияна.
Воровской взгляд Хавронья.
Приятна в любви Наталья.
Лукавый разговор Татьяна.
Веселая беседа Маргарита.
Ниския поклоны Вера.
Наварные щи Анисья.
Ленивая походка Ненила.
Насмех поднять Каптелина.
Хвост поднять Марфа.
Винца испить Аксиныя.
С молодцами погулять Матрена.
Дом содержать Лукерья.
Бзнуть и пернуть старая дама Соломенида.

Теоретические положения об именных типах П.А. Флоренский пытается проиллюстрировать собственным конкретным материалом в «Словаре имен», анализируя в нем 18 имен – 9 мужских (Александр, Алексей, Василий, Владимир, Константин, Николай, Дмитрий, Павел, Михаил) и 9 женских (Александра, Анна, Людмила, Софья, Ольга, Елена, Вера, Екатерина, Варвара). Каждое рассматриваемое имя для П.А. Флоренского представляет собой именной тип, в котором сгущен опыт веков, естественно подсчитанные вероятности духовной статистики, указывающие и на черты характера лица, обозначенного рассматриваемым именем, и на его вероятную судьбу.

Важное место в концепции П.А. Флоренского занимает социальная значимость личного имени. Только с его помощью человек в полной мере становится доступным окружающим:

«Первое и, значит, наиболее существенное самопроявление *Я* есть имя. В имени и именем *Я* ставит впервые себя объективно перед самим собою, а следовательно — этою своей тончайшей плотью делается доступным окружающим. До имени человек не есть еще человек, ни для себя, ни для других, не есть субъект личных отношений, следовательно, не есть член общества, а лишь возможность человека, обещание такового, зародыш. Да и

за что ухватилось бы в нем общество, если бы у него не было имени?» [1, с. 62].

Без личного имени человек не может стать полноправным членом общества. В человеческом сознании общественно не существует тот, у кого нет имени. В подтверждение этих мыслей П.А. Флоренский приводит случай из времен французской революции, наглядно поясняющий, насколько живо в человечестве это убеждение:

«К суду революционного трибунала был привлечен некто де Сен-Сир. Председатель предлагает ему обычный вопрос о его имени и фамилии. Между ними происходит следующий разговор:

“Моя фамилия де Сен-Сир”, — отвечает подсудимый.

“Нет более дворянства”, — возражает председатель.

“В таком случае, значит, я Сен-Сир”.

“Прошло время суеверия и святошества, — нет более святых”.

“Так я просто — Сир”.

“Королевство со всеми его титулами пало навсегда”, — следует опять ответ.

Тогда в голову подсудимого приходит блестящая мысль: “В таком случае, — восклицает он, — у меня вовсе нет фамилии, и я не подлежу закону. Я не что иное, как отвлеченность — абстракция; вы не подыщите закона, карающего отвлеченную идею. Вы должны меня оправдать”.

Трибунал, озадаченный подобной аргументацией, действительно признал подсудимого невинным и вынес следующий приговор:

“Гражданину Абстракции предлагается на будущее время избрать себе республиканское имя, если он не желает навлекать на себя дальнейших подозрений» [1, с. 61—64].

После того, как в результате этого судебного разбирательства у подсудимого обнаружилось отсутствие имени, он оказался не подсуден трибуналу как юридическое лицо. Наиболее правильным со стороны судей, считает П.А. Флоренский, было бы сделать жест удивления, где же подсудимый и ради чего они заседают. Трибунал смог не поступить так только потому, что тут же дал подсудимому личное имя Абстракция. С этим именем и было соотнесено постановление суда. П.А. Флоренский отмечает, что подобные имена могут означать в истории некоторый определенный вид общественных отношений и характер вытекающих из них событий (ср. советские послереволюционные имена *Трактор*, *Энергия*, *Октябрин*, *Виле* и под.). В данном случае — события французской революции с ее отрицанием власти короля и церкви.

По мнению П.А. Флоренского, окончательная утеря имени социально всегда означала гражданскую и историческую смерть, окончательное исчезновение с горизонта истории. И, напротив, вхождение в историю, закрепление в ней, нахождение своего места, всегда считалось как «создание себе имени». Высшей степенью такого исторического укоренения личности является вечная память имени. В религиозном смысле, вечная память имени — это вечное существование Я. Оно связано с памятованием Богом имени

того или иного человека. Окончательный разрыв Я с бытием равносителен забвению Богом имени или уничтожение его в Книге жизни.

Много внимания в своих работах П.А. Флоренский уделяет художественной ценности имен. Для него существующие имена являются некоторым наиболее устойчивым фактом культуры и важнейшим из ее устоев. В художественной литературе внутренняя необходимость имен не менее значима, нежели необходимость именуемых образов. «Кто вникал, – пишет он, – как зачинаются и рождаются художественные образы и каково внутреннее отношение к ним художника, тому ясно, что объявить имена случайными кличками, а не средоточными ядрами самих образов – все равно, что обвинить в субъективности и случайности всю словесность как таковую, по самому роду ее» [1, с. 57]. П.А. Флоренский приводит множество ссылок на писателей о значимости имен:

Бальзак, когда создавал действующее лицо, был озабочен, чтобы имя подходило к герою, «как десна к зубу, как ноготь к пальцу»;

П. Мериме в одном из своих произведений утверждал, что «необыкновенные истории случаются всегда только с людьми, чьи имена произносятся трудно»;

Флобер за парадным обедом побледнел и почувствовал себя дурно при рассказе Золя о задуманном романе, действующие лица которого должны были носить имена Бювара и Пекюшэ. Он упросил Золя уступить ему эти имена, потому что без них он не может написать своего романа.

Или вот Пушкин. По мнению Флоренского, в поэме «Цыганы» вся «пламенная страстность полудикого народа», духовная сущность его связана с именем матери Земфиры: Мариула. Это «глубоко женственное и музыкальное имя» есть звуковая материя, из которой оформляется вся поэма – непосредственное явление стихии цыганства.

В походах медленных любил
Их песен радостные гулы
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Существенным для всего строения поэмы Флоренский находит аллитерации звуков *а, у, ы, ю*. Фонетической природе имен, смыслом, заключенной в этой природе, Флоренский уделяет много внимания.

Для П.А. Флоренского художественные образы суть не что иное, как имена в развернутом виде, а все произведение – это, прежде всего, пространство силового поля соответственных имен. Полное развертывание этих свитых в себя духовных центров осуществляется целым произведением.

Таким образом, личные имена у П.А. Флоренского — это целый мир не только бытийной, но также социальной, исторической, культурологической, художественной информации.

Литература

1. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. М.: Купина, 1993. – 319